

только в том случае, если фонды грантодатели внесут соответствующие изменения в свои положения о грантах.

Вторая, более крупная сфера деятельности по коммерциализации прикладных результатов наших институтов связана с созданием так называемого «инновационного пояса РАН». Мы предлагаем такой механизм решения этой проблемы. В рамках Академии создается принадлежащая на сто процентов государству холдинговая компания, которая учреждает в необходимых случаях дочерние общества для реализации конкретных инновационных проектов, опирающиеся на прикладные результаты академических институтов. Такая конструкция переводит в естественный коммерческий режим процесс инновационной деятельности, а потому позволяет привлекать

частный капитал к реализации масштабных проектов. Помимо прочего Академия в случае принятия государством этого предложения получила бы дополнительный источник финансирования – дивиденды, выплачиваемые холдинговой компанией.

И в заключение отметим отношение РАН к международному научному сотрудничеству. Мы считаем чистой воды «ноздrevщиной» идею о переходе к сплошной внешней экспертизе научной деятельности наших институтов. Но мы очень хорошо понимаем, что наука интернациональна по своей сути. Именно поэтому РАН активно сотрудничает со всеми основными научными организациями мира, являясь заметным участником международных научных обменов.

Поступила в редакцию 05 декабря 2010 года.

В.Л. Макаров

ЦЭМИ РАН, Москва

Об институтах сектора науки и образования

Считается, что в настоящее время в России проводится реформирование системы высшего образования и, попутно, науки. Свидетельства этому: создание федеральных, а также научно исследовательских университетов, принятие специальных законов о Московском и Петербургском университетах, принятие закона о национальных научно исследовательских центрах. Вступающий в силу с 2011 г. закон о казенных, бюджетных и автономных учреждениях также имеет непосредственное отношение к упомянутому реформированию.

Имею смелость утверждать, что мы наблюдаем типичное реформирование сверху, при котором механизм управления наукой и образованием по существу остается прежним. Прежним – поскольку институты, действующие в этой сфере, не меняются.

О каких институтах идет речь? Прежде всего об институтах самоорганизации науки. Показавшие свою эффективность в мировой науке профессиональные ассоциации в России недоразвиты, и их совершенно не замечает власть. Тогда как в развитых в научном отношении странах они играют едва ли не решающую роль. Профессиональная ассоциация является общественной организацией, элементом гражданского общества. Однако она проводит регулярные конференции, выпускает науч-

ный журнал. И тот и другой являются наиболее авторитетными, можно сказать, определяющими. Они коллективно устанавливают, что составляет главное, какой результат считается выдающимся.

Кстати сказать, в последнее время даже в этой сфере наметилась негативная тенденция погони за количественными показателями, неизбежно приводящая к своеобразной клановости и тенденциозности. Излишняя поощряемая активность публикаций и активное участие в конференциях приводят к разрастанию числа журналов и конференций. Качество статей, естественно, снижается, однако они заполняют собой все научное информационное пространство. Этим грешат и самые известные университеты, где в качестве основного показателя научных достижений принято число статей в топ журналах и индекс цитирования.

И все таки профессиональная ассоциация является тем главным институтом, который определяет рейтинг ученого, значимость научного результата, важность того или иного направления. На этом фоне деятельность Министерства образования и науки, управленцев внутри университетов и государственных академий, связанная с выработкой и использованием различных показателей результативности деятельности научных работников, представляется не только бессмысленной, но

и вредной. Вредной, потому что любой придуманный показатель легче повысить не с помощью нового научного результата, а с помощью околонучных манипуляций и схем. На это и будут направлены усилия многих ученых.

Другой важный институт в нашем секторе – экспертное сообщество. Экспертиза – это сито, или заградительное устройство, без которого научная работа не может сколько-нибудь эффективно существовать. Практически все научные работники и преподаватели вовлечены в экспертную деятельность – одни больше, другие меньше.

Организация экспертного сообщества, мягко говоря, хромает. Его эффективность крайне мала. А ведь армия экспертов огромна. Одних советов по защите диссертаций – более двух тысяч. Лучшие собраны в экспертных советах ВАКа. Редколлегия научных журналов также предназначена для экспертизы. Наши научные фонды РФФИ и РГНФ собрали весьма квалифицированных экспертов. Есть еще комиссии по присуждению разного рода премий и многое другое.

Я думаю, все согласятся, что это огромное экспертное сообщество недостаточно организовано. Нет четкого определения, кто такой эксперт. Нет его юридического статуса. Все разведено по малым «квартирам» со своими локальными задачами. А ведь это – своего рода профессия. Или, как сейчас модно говорить, отдельная компетенция. И такой компетенцией необходимо овладевать. У каждой – свои правила, своя ответственность, свой моральный кодекс. Пока что все эти процессы пущены на самотек. Нет единой организационной структуры. Поэтому в целом деятельность экспертного сообщества можно считать мало эффективной. По крайней мере, такое впечатление складывается не без участия СМИ. К примеру, в последнее время звучат призывы обращаться к зарубежным экспертам по самым разным вопросам, поскольку отечественным доверия нет.

Назрело организационное собрание экспертного сообщества, или, по крайней мере, сначала инициативной группы, чтобы обсудить первоначальные шаги, которые могут быть направлены на формирование структуры экспертного сообщества. Действующие в настоящее время так называемые фабрики мысли – ЦСР, ИНСОР, Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, ряд центров в МГУ, ГУ ВШЭ, АНХ, РАН и других местах – абсолютно разрозненны, не видят друг друга и, похоже, не хотят видеть. Хотя, если хорошенько приглядеться к этим фабрикам мысли, там часто фигурируют одни и те же люди.

И, наконец, последнее соображение касается долгосрочной стратегии в процессе совершенствования организации науки и образования. Этот сектор находится под излишне жестким контролем органов власти и вообще бюрократических структур. Ученым и преподавателям постоянно указывают, как надо организовывать работу, какие показатели важны, какие направления перспективны. Причем со временем такой нажим только усиливается. Органы, распределяющие финансовые ресурсы, считают, что они лучше всех знают, как эти ресурсы эффективно использовать, вмешиваются во все, вплоть до мелких деталей. Существует негласное представление, что самим ученым и преподавателям доверить распределение средств нельзя, они ненадежны, они все направят не туда, а то и разворуют. Поэтому нужен контроль и контроль.

Смею высказать мнение, что сообщество ученых и преподавателей, в котором я вращаюсь уже около пятидесяти лет, по своим моральным устоям превосходит сообщество управленцев, часто называемых бюрократами. И нам крайне обидно сталкиваться с таким недоверием. Какую сферу ни взять, везде – недоверие и мелочный контроль. И командировки, и проведение конференций, и закупка оборудования, и приглашение иностранных ученых, и нагрузка преподавателей, и, наконец, что особенно мило, планы научной работы – все опутано инструкциями, запретами, стандартами, правилами многотомной отчетности. Даже само сообщество ученых оказывается зараженным этим недоверием. Самый свежий пример. Правительство дало РАН дополнительно 1000 ставок для молодежи. Решили их распределять по институтам согласно придуманным кем-то требованиям, выполнить которые не просто, и непонятно, чего ради.

Что представляется естественным шагом? Предоставление своеобразного суверенитета сектору науки и образования. Пусть управляют сами. Сами формируют нормы, правила, кодекс чести, наконец. Упомянутые ранее профессиональные ассоциации лучше других определяют уровень результатов, установят рейтинги и другие показатели для индивидуумов и организаций. И не надо собирать огромные бумажные отчеты, в которых и не разобраться, и много «липы». Вложить условие самостоятельности сектора науки и образования в существующую систему управления и ее законодательство будет не просто. Потребуется корректировка законов. Ведь есть же самостоятельность у священнослужителей. Им общество доверяет.

Поступила в редакцию 01 декабря 2010 года.